

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ОДНИМ из первых, кто создал на сцене театров Средней Азии образ Владимира Ильича Ленина, был киргизский актер Аширалы Боталиев.

Мне посчастливилось однажды услышать от него подробный рассказ о том, как сложилась его творческая судьба, как он стал актером и какую роль сыграла в его жизни встреча с образом великого вождя.

Беседа наша была непринужденной. Аширалы Боталиевич рассказывал, а я внимательно слушал, лишь изредка прерывая его вопросами.

— Если говорить кратко, — начал он, — я стал артистом исключительно благодаря Советской власти. Если подробнее... Я очень рано остался сиротой. Родители умерли в годы гражданской войны — всю свою недолгую жизнь они батрачили на баю. Воспитывался я в детском доме. Был у нас там великодушный драматический кружок, которым руководил молодой учитель, полный энергии, неистощимый на выдумки. Почти каждый детдомовец пел, плясал либо читал стихи. Пел, плясал и все подряд читал тогда и я. В 1926 году открылась первая в Киргизии театральная студия. Выдержав большой конкурс, я сдал экзамены.

Три года напряженной учебы: сценическое мастерство, техника речи, пение, балет. Теорию совмещал с практикой — участвовал почти в каждом спектакле, в драматическом и музыкальном. В 1929 году наша студия была преобразована в театр. Так я стал артистом.

— Чем особенно памятно для вас то время?

— О, его забыть нельзя. Люди тянулись к книгам. Мы ставили спектакли с жаром, самозабвенно, окрыленно. Прошли у нас первые киргизские пьесы — «Карачач» («Черноволосая») К. Джантошева и «Кыйгулуу какей» М. Токобаева, сыграли мы и «Мятеж» Дм. Фурманова, «Ярость» Е. Яновского, а также русскую классику — «Ревизора», «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Постепенно завоевали и зрителя. Надо сказать, что сделать это было не так-то просто. В Киргизии в первые годы Советской власти среди значительной части населения оставалось от прошлого пренебрежительное отношение к актерам. Нас звали «маскарапосами» — бестыдниками, посрамленными или, в лучшем случае, клоунами. Но труд наш, по-настоящему самоотверженный, рассеивал постепенно эти предрассудки. Люди увидели, что мы говорим с ними со сцены о том, что их волнует, чем они живут, и зрители потянулись к нам.

— Вам первому в Киргизии в 1935 году было присвоено звание заслуженного артиста. Этим, можно сказать, была дана оценка начальному периоду вашего творчества. А какая «главная» роль вами была сыграна тогда?

— В те годы я играл отважного молодого джигита Искандера в музыкальной драме Дж. Турусбекова «Аджал ордуна» («Не смерть, а жизнь»). Искандер возглавил киргизов, которые восстали против паризма и баев. Я стремился раскрыть силу революционного духа своего героя, показать, как складывалась судьба людей из народа после Октября. Я был очевидцем строительства у нас в Киргизии первых школ и фабрик, клубов и научных институтов. Я видел, какими семимильными шагами шел по пути прогрессу мой народ, и Искандер был для меня лучшим представителем моего поколения. Спектакль был показан в Москве на первой декаде киргизского искусства в мае 1939 года.

Мысль создать образ Ленина на сцене возникла у меня после просмотра фильма Михаила Ромма «Ленин в Октябре». Я принял участие в дублировании этого фильма на киргизском языке. И был влюблен в этот фильм, но сомневался, сумею ли сохранить богатство мыслей, чувств, интонации, подтексты. «Переводить» на другой язык игру гениального актера Бориса Щукина — задача, с моей точки зрения, сложнее, чем литературный перевод, пусть даже стихотворный. Однако начали работать. Оказалось, что по тембру мой голос походил на щукинский. Но как добиться точности каждой интонации, учитывая, между прочим, что в киргизском языке в отличие от русского ударение почти всегда падает на последний слог? Стремился к тому, чтобы слова точно соответствовали жесту. Искали предельно естественную мелодику речи. Детали мно-

жество дублей, переснимали сцены, отбор производил самый тщательный. Это был труд под стать ювелирному. И вот напряжение позади. Мы пришли в просмотровый зал и подняли глаза на экран. Удивительное чувство завладело нами! Ленин заговорил на киргизском языке... Мы испытывали ни с чем не сравнимые ощущения. Честное слово, ради одной этой работы стоило посвятить всю свою жизнь нелегкому актерскому труду! Комиссия дала нашему дубляжу отличную оценку. С тех пор фильм «Ленин в Октябре» с неизменным успехом шествует по городам и селам Киргизии.

— А когда вы создали образ В. И. Ленина на сцене?

— Только после войны. Меня долго мучила мысль: а готов ли я?

УРОКИ ТВОРЦОВ ЛЕНИНИАНЫ

ГОДЫ МЕЧТЫ

В мои ли это творческих возможностей? Летом 1940 года я был в творческой командировке в Москве и проводил очень много времени в Музее В. И. Ленина, изучал документы, запоминал ленинские фотографии — воображение подкашивалось, как Владимир Ильич мог двигаться, говорить. По предметам и вещам, которых касался Ильич, стремился представить себе те или иные моменты его поведения, его поступки.

И вот меня познакомили с Лидией Александровной Фотиевой — она с 1939 года работала в музее. Беседовал я с ней подолгу и не однажды. Читатель, безусловно, знаком с ее воспоминаниями, они широко публиковались в сборниках и брошюрах. Но мне было дорого услышать все из первых уст. Лидия Александровна говорила об удивительной ленинской многогранности, о том, как он был одинаково внимателен и к большим делам, и к малым. Я изучал воспоминания о Ленине Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой, Г. М. Кржижановского, приобрел пластинки с записями ленинских речей, собрал, наверно, все рисунки П. Васильева. Эти и многие другие материалы служили мне надежным компасом в постижении сценического образа Ленина.

И вечная благодарность от представителей всего нашего многонационального искусства драматургу Николаю Погодину, режиссеру Рубену Симонову и артисту Борису Щукину. Их творческий подвиг оледотворил и окрылил многих советских художников.

Я обратил внимание на замечание Н. К. Крупской (посетившей одну из репетиций в Театре им. Егв. Вахтангова) по поводу того, что, играя Ленина, нужно стремиться передать прежде всего его натуру, внутреннюю природу, а не концентрировать внимание на внешних особенностях его речи и походки. Мыслями о Ленине и мечтой создать образ я жил 11 лет. Это были незабываемые для меня годы.

— А что вы играли в эти годы?

— Точнее было бы спросить, что я пел. В 1941—1942 годах на базе нашего первого театра образовались Киргизский драматический театр и Театр оперы и балета. Я перешел в оперу, так как обладал неплохими вокальными данными. Пел Грязного, Онегина, Жермона, исполнял ведущие партии в киргиз-

ских музыкальных спектаклях. В драму вернулся в 1952 году. Но еще до этого, в 1951 году, Киргизский драматический театр включил в свой репертуар пьесу «Человек с ружьем». Вызвал меня тогда директор театра Рыскул Туругумбаев и сказал:

— Тебе поручена роль Ленина! О твоей мечте и подготовке, которую ты ведешь, знают в театре многие, и мы надеемся, что ты справишься.

Следует ли говорить, как я был потрясен услышанным! Я ответил, что приложу все усилия, но попросил сначала отпустить меня в Москву, чтобы увидеть больших мастеров русской сцены. По возвращении началась застольная работа над пьесой. Вчитывались в каждую фразу. Сцены разбирали долго, стремясь до деталей проникнуть в характеры, мысли и чувства, текст и подтекст, осязть характер мизансцен. Одновременно с этим шли поиски точного грима, парика. Пошли к скульптору О. Мануйловой. Она сняла с меня маску и только потом помогла подобрать парик... Пришло время сдачи спектакля. Репетиции как будто бы проходили хорошо и не было оснований для волнений, но все мы безмерно волновались. Да что говорить, это, видимо, было неизбежно. И вот выпуск спектакля. Пришла масса людей из партийных и профсоюзных организаций, из министерств, различных учреждений, на одном дыхании. Затем началась обсуждение спектакля. Было много положительных высказываний, но были и критические. Спектакль приняли. Зрителя мы пригласили на премьеру 22 марта 1952 года.

— Вы помните этот день?

— Я его никогда не забуду. Весь театр жил в преддверии праздника. Все были возбуждены и взволнованы: артисты, гримеры, рабочие. У подъезда — оживленные группы. Старики, молодежь, мужчины и женщины. И вот долгожданный протяжный, как звук горна, звонок. Сосредоточенное внимание и тишина. Когда я появился на сцене, мне не дали говорить. Весь зал встал и несколько минут бурно аплодировало. Будто пробудились горы и раздвигают себя навстречу титану-человеку. Я понимал, что это аплодисменты не мне, что это бурлит и переплескивается через край любовь к Ленину. У меня хлынули слезы счастья. Но, однако, я актер, я переснял себя и начал играть, ощущая от сцены к сцене все большую свободу и уверенность. На этот спектакль к нам приезжали из далеких селений, из соседнего Казахстана и Узбекистана. Это время я считаю самым счастливым в своей жизни.

— Как работа над образом В. И. Ленина повлияла на вас лично? Какие человеческие черты вам стали по-особому дороги?

— После исполнения роли гениального мыслителя, революционера, Коммуниста с большой буквы я проникся жаждой полностью отдавать себя людям, обществу, быть деятелем, а не созерцателем. Я особенно стал ценить в людях доброосовестность, честность, принципиальность. И сам старался быть таким.

— Играли ли вы после и в других пьесах с образом В. И. Ленина?

— До сих пор на сцене нашего театра я выступаю в пьесе К. Малюкова «На высокой земле». Спектакль посвящен Михаилу Фрунзе, но в нем есть важный для развития характеров эпизод — встреча Ленина с легендарным полководцем. Сцена занимает всего 12 минут, но каждый раз, чтобы выйти сыграть ее, я долго готовлюсь к спектаклю.

— Деятели искусств нашей страны готовятся достойно отметить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Какие творческие планы у вас?

— Я хочу сделать композицию о Ленине по пьесам советских драматургов. В нее должны войти сцены из «Человека с ружьем», «Кремлевских курантов», «Шестого июля», «На высокой земле». Счел бы для себя великой честью выступить с такой композицией в наших киргизских городах и селам.

Беседу вел
Б. СИРОТИН.
ФРУНЗЕ — МОСКВА.